

RU

Специфика хронотопа трилогии Дж. Р. Р. Толкиена «Властелин колец»

Осьмухина О. Ю., Князева А. А.

Аннотация. Цель настоящей статьи - изучить специфику хронотопа трилогии Дж. Р. Р. Толкиена «Властелин колец». Научная новизна определяется тем, что впервые хронотоп толкиеновской трилогии, во-первых, осмысливается сквозь призму концепции М. М. Бахтина; во-вторых, подвергается детальному осмыслению в рамках специального исследования. В результате было установлено, что трилогия имеет специфическую пространственно-временную организацию, ключевую роль в которой играют различные временные пласты (объективное и субъективное, авторское, «стоячее», циклическое, перцептуальное время и время волшебных предметов), в которых разворачиваются эпический, идиллически-бытовой хронотопы, а также хронотоп дороги и хронотоп Кольца Всевластья.

EN

Chronotope Specificity of J. R. R. Tolkien's Trilogy "The Lord of the Rings"

Osmukhina O. Y., Knyazeva A. A.

Abstract. The paper aims to examine chronotope specificity of J. R. R. Tolkien's trilogy "The Lord of the Rings". Scientific novelty is accounted for by the fact that it is the first time that the chronotope of Tolkien's trilogy, firstly, is comprehended through the lens of M. M. Bakhtin's concept; secondly, is subjected to a detailed comprehension within the framework of a special study. As a result, it has been found that the trilogy has a specific spatial and temporal organisation, the key role in which is played by different temporal layers (objective and subjective, author's, "standing still", cyclic, perceptual time and time of magical objects), in which epic, idyllic and domestic chronotopes, as well as the road chronotope and the One Ring chronotope unfold.

Введение

Начнем с очевидного: категория хронотопа как неразрывная взаимосвязь времени и пространства в современной гуманитаристике является одним из тех универсальных средств, которые позволяют исследователю осмыслить специфику художественного мира, поэтологические особенности, жанровую структуру произведения. При этом время необходимо для восприятия и для создания того или иного произведения; пространство же так или иначе «организовывает» его действие. В литературе эти категории играют ключевую эмоционально-психологическую роль, придают произведению историческую глубину и философское звучание, кроме того, определяют характер используемых тем или иным автором языковых средств. Проблема организации времени и пространства художественного текста, таким образом, является на сегодняшний день одной из наиболее актуальных проблем западного и отечественного литературоведения.

Не менее значимой оказывается, на наш взгляд, и проблема изучения творческого наследия профессора Оксфордского университета, специалиста по англосаксонской литературе и древним языкам, создателя волшебных сказок, «Хоббита» и сказочно-фантастической эпопеи «Властелин колец» Джона Роналда Руэла Толкиена (1892-1973). Именно Толкиен, по справедливому замечанию С. Лукьяненко, «создал новый жанр литературы – это жанр фэнтези-эпопеи, современного сказания... Толкиен определил каноны того, что стало потом современной сказочной фантастикой. Кроме несомненных литературных достоинств эпопеи "Властелин колец" (это в первую очередь глубокая проработка мира, создание целой Вселенной), не надо забывать, что Толкиен был первым. Он сделал то, чего другие до него делать просто не решались» (Цит. по: Щербак-Жуков, Мильчин, 2002).

Несмотря на огромную популярность сочинений Толкиена, многочисленные переводы и переиздания «Властелина колец», некоторые аспекты его творчества до настоящего времени не получили адекватного осмысления, в частности, при достаточно большом количестве исследований его трилогии – как российских (Винтерле, 2013; Григорьева, Грушецкий, 1992; Галиев, 2012; Зотиков, 1992; Ковтун, 2000; Кошелев, 1981; 1983; Курицын, 1992; Лихачева, 1993; Мартыненко, 2009; Приходько, 2001; Штейнман, 2000), так и западных (Carpenter, 1978; Crabbe, 1988; Manlove, 1975; Noel, 1977) – ни в одном из них не представлено комплексное

осмысление хронотопа «Властелина колец» как важнейшей категории, позволяющей детально и адекватно изучить толкиеновский универсальный сказочный мир.

Настоящее исследование предполагает решение следующих ключевых задач: во-первых, осмыслить своеобразие категории времени во «Властелине колец»; во-вторых, выявить и исследовать типы хронотопов в трилогии.

Методами нашего исследования явились историко-функциональный, позволяющий на основе функционального подхода обнаружить специфику пространственно-временной организации толкиеновской трилогии, актуализация модели которой характерна для последующего поколения писателей фэнтези; типологический, благодаря которому были выявлены важнейшие типы хронотопов и виды времени «Властелина колец»; метод целостного анализа литературного произведения, давший возможность осмыслить хронотопическое «устройство» толкиеновской вселенной в неразрывной связи и единстве с ее образно-тематическим и персонажным уровнями.

Теоретической базой нашей статьи послужили работы, посвященные тем или иным аспектам изучения творчества Дж. Р. Р. Толкиена (Винтерле, 2013; Григорьева, Грушецкий, 1992; Галиев, 2012; Зотиков, 1992; Ковтун, 2000; Кошелев, 1981; 1983; Курицын, 1992; Лихачева, 1993; Мартыненко, 2009; Приходько, 2001; Штейнман, 2000; Шурмилль, 2000; Carpenter, 1978; Crabbe, 1988; Manlove, 1975; Noel, 1977); особую значимость в решении стоящих перед нами задач имели академические труды М. М. Бахтина (2000), А. Я. Гуревича (1968), В. Д. Днепровца (1980), Д. С. Лихачева (1979), З. Я. Тураевой (1979), в которых непосредственно анализируются категории времени и пространства.

Практическая значимость статьи состоит в том, что ее материалы, результаты и общие выводы могут быть использованы в вузовских курсах теории литературы, истории мировой литературы, спецкурсах и спецсеминарах, посвященных истории английской словесности XX столетия в целом, творчеству Дж. Р. Р. Толкиена и литературе фэнтези в частности.

Основная часть

Трилогия Дж. Р. Р. Толкиена «Властелин колец», по небезосновательному мнению многих исследователей (Кошелев, 1983; Николаева, 2002; Приходько, 2001; Carpenter, 1978; Crabbe, 1988; Manlove, 1975; Noel, 1977), выстраивается на основе обыгранных и переосмысленных прозаиком валлийских легенд, ирландских и исландских саг, скандинавской мифологии и древнегерманского эпоса. Действие ее разворачивается в Средиземье – неомифологической вселенной, населенной магами, хоббитами, эльфами, людьми, имеющей собственную географию, историю, продуцирующей государственные формации. Образ этого мира представляет собой нечто необозримое и целостное, развернутое как в пространстве, так и во времени. Весьма примечательную характеристику Средиземью дает В. Муравьев в предисловии к «Хранителям»: «Волшебный мир, по которому странствовал господин Торбинс, вовсе не такой уж волшебный. Это наш мир, но неопознанный, а опознание дается опытом, и опытом нелегким, то есть много требующим и от героя, и от автора-рассказчика, организатора и осуществителя сюжета открытия мира» (Цит. по: Толкиен, 1990, с. 21). Сам же писатель отмечал: «Мой мир появлялся вместе со мной... Я хочу сказать, что не проходило и дня, чтобы я не продолжал его придумывать... «Властелин колец» писался для собственного удовольствия, медленно, поскольку я старался не пропускать ни единой подробности, и превратился в конечном итоге в Картину-без-Рамы. Я выхватил из мироздания крошечный кусочек, историю которого и попробовал отразить» (Цит. по: Николаева, 2002, с. 79).

Даты у Толкиена определяются предельно точно, каждый народ в Средиземье имеет собственное летоисчисление, где каждое «историческое» событие подается как реально произошедшее, а нередко и переломное: к примеру, для Хоббитании началом отсчета является год перехода через Брендидуим. История Срединной земли охватывает несколько эпох. В Предначальную эпоху эти края населяли валары («силы», «стихии»), их слуги и помощники – майары (существа, стоящие ступенью ниже). Отец Всего – Илуватар – сотворил первых существ и все народы, обустроил Средиземье. Три последующие эпохи были временем многочисленных войн эльфов и Моргота – «Черного врага», появления выкованного слугой Моргота – Сауроном – Кольца Всевластья с его последующей утратой и приключениями Бильбо. Действие «Властелина колец», что подчеркивается в повествовании, происходит именно на рубеже Третьей и Четвертой эпох Срединной земли. К этому времени здесь сформировались несколько государств: Хоббитания, Подгорное царство гномов, многочисленные государства эльфов и людей, во главе большинства которых стоят монархи или князья, организовывающие походы или оборону населенной и подвластной им территории.

Пространство Срединной земли в целом подчиняется этическим законам и оформлено в соответствии с четким пониманием добра и зла: на востоке простирается Мордор – это область зла, откуда движется тьма, несущая гибель. Запад, по справедливому наблюдению Э. А. Шурмилль (2000, с. 112), – место локализации добра, репрезентованное в топосах Гондора, Ривенделла, Шайра, ведущих борьбу против Саурана и предстающих антиподами Мордора. Примечательно, что если пространство Зла неумолимо расширяется, подчиняя все новые и новые земли, причем уже на уровне художественной образности прозаик маркирует это соответствующими номинациями (Чахлая Пустынь, Одинокая Гора, Чернолесье, Мория и др.), сама семантика которых воплощает атмосферу тотальной тьмы, разрушения, одиночества, смерти, то пространство Добра как локализация света, красоты, жизни (Старый Лес, долины Ривенделла и Лоризна и т.д.) заметно сжимается, постепенно подчиняясь мраку.

Особую роль в трилогии играет эпическое пространство, и это касается не только широкого охвата событий, воссоздания «действительности», в том числе и «географически», но и появления персонажей, проявляющих

подлинный героизм и действующих сродни героям эпоса. Это прежде всего Арагорн, демонстрирующий военную доблесть, отвагу, решимость и силу, и Фродо – последний владелец Кольца, которому предстоит его уничтожить, волей судьбы ставший ответственным за жизни народов Срединной земли, причем «маленький человек» Фродо преобразуется под тяжестью этой ответственности и становится подлинным эпическим героем. Эльф Элронд утверждает, что «эту великую миссию слабый выполнит даже успешней, чем сильный, ибо сильный не привык таиться от опасностей, а борьба с Врагом приведет его к гибели. Слабые не раз преобразовали мир, мужественно и честно выполняя свой долг, когда у сильных не хватало сил» (Толкиен, 1990, с. 333). Примечательно, что Арагорн вольно или невольно разрушает границы эпического хронотопа, низводя его, говоря словами М. М. Бахтина, в «зону фамиллярного контакта»: «Невысококлик! – расхохотался спешивший всадник рядом с Зомером. – Ох, невысококлик! Это коротышки-то из детских песенок и северных побасенок? Ой-ой-ой! Мы что, заехали в сказку или все-таки ходим средь бела дня по зеленой траве? Бывает, что не различишь, – сказал Арагорн. – Ведь сказки о нашем времени будут слагаться потом. Ты говоришь – по зеленой траве? Вот тебе и сказка средь бела дня!» (Толкиен, 2000, с. 41).

Еще одним принципиально значимым хронотопом становится хронотоп дороги. Как справедливо отмечал М. М. Бахтин (2000), дорога – место «случайных встреч», где «пересекаются в одной временной и пространственной точке пространственные и временные пути многообразнейших людей» (с. 177). Действительно, дорога у Толкиена ведет героев вперед – то широкая и прямая, то узкая и извилистая, петляющая между деревьями. Бильбо «часто повторял, что на свете всего одна Дорога, что она как большая река: истоки ее у каждой двери и любая тропка – ее проток» (Толкиен, 1990, с. 113). Не случайно песня о ней звучит дважды: «Спешит дорога от ворот / В заманчивую даль, / Свивая тысячи путей / В один, бурливый, как река, / Хотя, куда мне плыть по ней, / Не знаю я пока!» (Толкиен, 1990, с. 113).

Хронотоп дороги, по М. М. Бахтину (2000), зачастую связан с мотивом порога, который сочетается «с моментом перелома в жизни», кризисом, «меняющим жизнь и решения» (с. 182). Фродо, слабому и трусливому, как и все хоббиты, очень нелегко решиться переступить этот порог, потому что впереди у него заманчивая и опасная неизвестность. «Вот и выходим наконец! – сказал Фродо Пину. Они вскинули мешки на спину, взяли палки и пошли вдоль западной стены Торбы. – Прощайте! – вымолвил Фродо, взглянув на черные слепые окна. Он помахал рукой, повернулся и (точно так же, как Бильбо, только он об этом не знал) нырнул в садовые заросли вслед за Пином» (Толкиен, 1990, с. 179). Фактически весь толкиеновский текст можно рассматривать как один большой путь, конечной целью которого является Мордор, место, где необходимо уничтожить роковое кольцо. Это формальный, внешний план этого мотива, внутренним же планом является процесс преобразования, перевоспитания героя, в ходе которого Фродо из маленького трусливого хоббита превращается в подлинного эпического героя, волевого и храброго.

Именно хронотоп дороги оказывается наиболее значимым в толкиеновской трилогии: здесь встречаются многие персонажи, пересекаются пути и судьбы практически всех героев. Дорога непосредственно связана с мотивом встречи, именно в пути персонажи сталкиваются с назгулами, эльфами и орками, именно дорога является непосредственным источником всех бед и радостей участников Отряда Девяти. Примечательно при этом, что хронотоп дороги у Толкиена, условно говоря, разнонаправлен: с одной стороны, дорога соотносима с движением героев в пространстве Срединной земли; с другой – она вводит в произведение вертикальное измерение. Это спуск в подземелья Мории, падение Гэндальфа в глубины земли, там, где нет счета времени: «С хриплым воем проваливаясь вниз, Барлог взмахнул над головой хлыстом, и хлыст дважды опоясал мага. Увлекаемый в пропасть тяжестью Барлога, Гэндальф ухватился за Мост руками, однако не удержался и, вскрикнув “Беги-и-ите!”, исчез в пасти Морийского рва...» (Толкиен, 1990, с. 407-408).

Обратимся к вопросу организации времени в трилогии. Оно не менее многослойно и многоуровнево. Сразу оговоримся, что вопрос о специфике категории времени уже затрагивался С. Л. Кошелевым (1981), который выделяет в структуре, во-первых, время как элемент произведения, во-вторых, концепцию времени как составляющую философии истории, выраженной в нем. На наш взгляд, у Толкиена репрезентованы, во-первых, авторское время («Пролог»), причем сам прозаик оторван от повествования, смотрит на все происходящее со стороны, дает верное представление и оценку истории Средиземья. Во-вторых, ход событий произведения с его относительной последовательностью и логичностью образует объективное время, которое противопоставляемо субъективному восприятию хода времени каждого из персонажей, что широко представлено в репликах героев и ремарках автора. Например: «Время тянулось еле-еле. В долине догорали далекие пожары» (Толкиен, 2000, с. 194). Или: «Сэму казалось, что он проспал несколько минут. Между тем проснулся он часа через три, когда возвратился Фарамир и с ним много-много людей» (Толкиен, 2000, с. 393). Или: «Час, два или три часа – сколько они уже шли? Да какие часы – дни, а может, и недели» (Толкиен, 2000, с. 473). Порой герои теряются во времени и не замечают его: «Он (Фродо) потерял ход времени, явь смешалась с дремой, и наконец он забылся» (Толкиен, 2000, с. 350). Им кажется, что оно слишком стремительно мчится вперед, приближая ужасные события: «Пролетели два часа, и вот уж Теоден сидел на своем белом коне; шерсть Белогрива серебрилась в потемках» (Толкиен, 1998, с. 94). Порой же замедляет, почти останавливает свой бег: «Время тянулось еле-еле. В долине догорали далекие пожары. Изенгардское воинство теперь надвигалось в молчании, огненные змеи вились по излогу» (Толкиен, 2000, с. 194). В решающей битве время – важнейшее условие успешности ее исхода: «На счету каждый час. Либо наши надежды сбудутся, либо всем надеждам конец» (Толкиен, 1998, с. 51). Очевидно, что время в трилогии подобно авантюренному времени рыцарского романа, ибо оно способно растягиваться и сжиматься.

Справедливости ради необходимо отметить, что для произведения в целом характерна общая временная устремленность вперед: все пронизано ожиданием будущих перемен и свершением предстоящих событий. Примечательное подтверждение этому находим в речи Сарумана, обращенной к Гэндальфу: «Предначальная Эпоха миновала, Гэндальф. Средняя тоже подходит к концу. Начинается совершенно новая эпоха. Годы эльфов на земле сочтены; наступает время Большого Народа, и мы призваны им управлять» (Толкиен, 1990, с. 320). Эта устремленность в будущее частично реализуется в предсказаниях и многочисленных снах героев, в которых все это представлено в ключе субъективных ощущений и толкований.

Воспоминания, размышления и в особенности сны героев разрабатываются в перцептуальном времени. Фродо в разговоре с Фаромиром называет последние «прошлой или грядущей судьбой» (Толкиен, 1993, с. 189). С помощью снов читатель вместе с героями словно проникает в будущее (сон Сэма о Хоббитании) или отступает в прошлое (сон Фаромира о смерти брата), частично предугадывает (возвращение Гэндальфа) или возвращается к каким-либо событиям. Печать времени носят некоторые волшебные предметы: так, если зеркало Галадриэли приоткрывает завесу грядущего, о котором говорится, что оно «часто открывает события, для которых время еще не настало и, весьма вероятно, никогда не настанет» (Толкиен, 1990, с. 447), то Палантир – «крохотное зрелище давно минувших времен и событий» – дает героям возможность оглянуться в прошлое.

Специфической особенностью сказочных областей Срединной земли – Лориэна, Ривенделла, Вековечного леса, Фангорна – оказывается «застывшее» время, которое, по словам Гэндальфа, здесь «не старит, а целит» (Толкиен, 2000, с. 148). Действительно, это подтверждает и песнь мага: «Кветлориэн, о Двиморнед, // Прозрачный мир, где тлена нет!» (Толкиен, 2000, с. 166). Здесь процесс течения времени практически не ощущается, несмотря на то, что дни сменяются днями. Только после того, как герои покинули владения Владычицы Галадриэли, Сэм оказывается чрезвычайно смущенным из-за месяца на небе и с удивлением открывает, что с момента их прихода в Лориэн прошло больше тридцати дней, которых он и не заметил. Фантастические персонажи, населяющие эти места и полностью погруженные в «стоячее» время, зачастую не подвержены влиянию этого времени. Таковы маги Гэндальф, Саруман, эльфы и Том Бомбадил. На вопрос хоббитов о том, кто же, собственно говоря, последний, сам господин Заповедного Края поясняет: «Том из древней были: Том, земля и небеса здесь издревле были. Раньше рек, лесов и трав, прежде первых ливней, раньше первых бед и засух, страхов и насилий был здесь Том Бомбадил – и всегда здесь был он. Все на памяти у Тома: появление Дивных, возрождение Смертных, войны, стоны над могилами...» (Толкиен, 1990, с. 174). Над этими героями время не властно в силу их принадлежности к Первородным, которые существуют от начала времен. Кроме героев, неподверженных воздействию времени, этим же качеством обладают и волшебные путлибы (эльфийские дорожные хлебцы).

Для временной организации «Властелина колец» характерна цикличность: Срединная земля существует уже третий век, который скоро сменится четвертым. На протяжении этих трех веков присутствует повторение: из века в век Добро противостоит Злу, путешествие Фродо повторяет путешествие Бильбо и т.д., что со всей очевидностью отсылает к фольклору, где все события постоянно возвращаются на круги своя. Как справедливо отмечает С. Л. Кошелев (1981), «тот факт, что в “Повелителе колец” мы слышим о трех “веках”, проясняет, что в этом аналогическом мире время означает не только хронологическую последовательность или неизбежное эволюционное движение» (с. 83).

Очевидно, что в трилогии реализуются различные типы хронотопов: *хронотоп дороги* – он является одним из наиболее значимых, с ним тесно переплетаются *мотивы встречи, порога, узнавания* (узнавание Гэндальфа Арагорном и Гимли) и *мотив воспитания и преображения героя* (в первую очередь хоббита Фродо). Мотив встречи и узнавания композиционно важен для романа – он дает возможность в случае необходимости вернуться немного назад и проследить цепочку событий, происходивших с кем-либо из героев. В особом хронотопе – *эпическом* – разворачиваются битвы и сражения, описанию которых посвящена значительная часть произведения. Данный хронотоп достаточно самостоятелен и релевантен для романа в целом. Нельзя также забывать и о том, что «Властелин колец» представляет собой эпическое фэнтези, следовательно, канон жанра предписывается изображение обширных пространств, охваченных огнем войны, эпических героев, которым суждено вершить судьбы целого мира, но при этом исход битв во многом определяется не только ими, но и более слабыми и ничтожными существами – хоббитами.

Хоббитания представляет собой сочетание *идиллического* и *циклично-бытового хронотопов*. Хоббиты прочно прикреплены к тому месту, где они родились и выросли. Лишь очень немногие из них могут решиться на какие-либо переезды и тем более путешествия. Даже Фродо нелегко расставаться с уютным домом. «По правде говоря, когда дошло до дела, у него начисто пропала всякая охота к путешествиям. Торба вдруг стала донельзя уютной, и он всюду радовался последнему своему лету» (Толкиен, 1990, с. 103). Хоббиты ограничены основными немногочисленными реалиями собственной жизни, которая складывается из определенной цепочки событий, привычек и правил. При этом она протекает на фоне гармоничной окружающей среды, ухоженных садов и грядок. Время здесь практически бессобытийное, кажется, что ничего и не происходит. В связи с этим этот хронотоп не может являться основным для романа. На наш взгляд, особо можно выделить *хронотоп Кольца Всевластья* – предмета, не подверженного действию времени и способного замедлять его ход для своего владельца, точнее, очередного раба. Подтверждение этому находим в тексте: «Сколько воды утекло, а господин Торбинс и в девяносто лет казался пятидесятилетним. Когда ему стукнуло девяносто девять, стали говорить, что он “хорошо сохранился”, хотя вернее было бы сказать “ничуть не изменил»

ся» (Толкиен, 1990, с. 51). Аналогичное воздействие оно оказывало и оказывает на бывшего (Горлума) и настоящего (Фродо) владельцев. Но при этом оно способно разжигать зависть и алчность, которые возникают даже в душах благородных нуменорцев. Обезумевший Боромир утверждает: «Если кто-нибудь из Смертных может претендовать на Великое кольцо, то, уж конечно, не вы, невысококлики, а люди Нуменора – и только они! Нелепая случайность отдала тебе в руки Кольцо. Оно могло стать моим! Оно должно стать моим! Отдай его мне!» (Толкиен, 1990, с. 486). На его разрушающее воздействие на своего хранителя указывает, кстати, и В. Курицын (1992): «Проклятое кольцо смертельно опасно для самой чистой души, но именно самая чистая душа должна принять на себя этот грех. Победа в том, чтобы отказаться от силы – уничтожить кольцо» (с. 232).

Рассматривая Кольцо с философской точки зрения, можно сказать, что оно является формальным воплощением одного из самых сокровенных желаний человека – обладания безграничной властью. Каждый очередной владелец сильно дорожит им. Кольцо же далеко не всегда верно своему владельцу, оно умело играет с ним, может незаметно соскользнуть с пальца, затеряться, а чем ближе Фродо подбирается к месту, где надлежит его уничтожить, тем сильнее Кольцо «сопротивляется», становясь непосильной ношей для своего хранителя. В последний момент оно безгранично завладевает хоббитом, лишая его воли, и лишь случайное падение Горлума в огненную бездну вместе с вновь обретенной «прелестью», освобождает Средиземье от тьмы.

Заключение

В заключение нашего исследования сделаем основные выводы, касающиеся не только специфики пространственно-временных отношений романа Дж. Р. Р. Толкиена «Властелин колец», но и относительно научного осмысления феномена хронотопа, категорий времени и пространства. Опираясь на ключевые литературоведческие исследования, посвященные проблемам художественного времени и пространства (М. М. Бахтин, Д. С. Лихачев, З. Я. Тураева, В. Д. Днепров), мы полагаем, что в рамках такой общей категории, как художественное время, выделяется целый ряд ее составляющих и свойств. К фундаментальным можно отнести длительность, обратимость и субъективность восприятия времени, к составляющим компонентам – перцептуальное, объективное или эпическое, субъективное или лирическое, сюжетное времена, время автора – читателя. В общеизвестном на сегодняшний день исследовании М. М. Бахтина «Формы времени и хронотопа в романе» представлен принципиально новый подход к рассмотрению указанных проблем, согласно которому категории «время» и «пространство» рассматриваются в их неразрывной связи, в рамках хронотопа – важного организационного центра произведения. Опираясь на концепцию хронотопа М. М. Бахтина, мы, во-первых, проанализировали пространственно-временную организацию «Властелина колец», выделили важнейшие типы хронотопов романа (эпический хронотоп, хронотоп дороги, хронотоп Кольца Всевластья, идиллически-бытовой хронотоп). Во-вторых, мы рассмотрели временные пласты трилогии, обозначив и проанализировав наиболее значительные виды времени (объективное и субъективное, авторское, «стоячее», циклическое, перцептуальное). Перспективой дальнейшего исследования, по нашему мнению, может являться изучение в свете методологического подхода М. М. Бахтина пространственно-временной организации не только построенных по толкиеновской модели фэнтези циклов западных (от «Хроник Нарнии» К. С. Льюиса, «Гарри Поттера» Дж. Роулинг, «Песни Льда и Пламени» Дж. Р. Р. Мартина до «Истории английской магии» С. Кларк, «Плоского мира» Т. Пратчетта, «Трилогии Бартимеуса» Дж. Страуда, «Жизни Мерлина» М. Стюарт), но и отечественных («Лабиринты Эхо» Макса Фрая, «Кольцо Тьмы» Ника Перумова, «Дозоры» и «Рыцари сорока островов» С. Лукьяненко, «Тьма» С. Тармашева, «Тайный город» В. Панова, «Ученики Ворона» А. Васильева, «Хроники Сиалы» и «Синее пламя» А. Пехова).

Источники | References

1. Бахтин М. М. Эпос и роман. СПб.: Азбука, 2000.
2. Винтерле И. Д. Феномен незавершенности в раннем творчестве Дж. Р. Р. Толкина и проблема становления концепции фэнтези: автореф. дисс. ... к. филол. н. Н. Новгород, 2013.
3. Галиев С. С. Функция мифологического в произведениях Дж. Р. Р. Толкина и А. В. Иванова: автореф. дисс. ... к. филол. н. М., 2012.
4. Григорьева Н. В., Грушецкий В. И. Главная книга Толкина. «Сильмариллион» – книга длиною в жизнь. 1992. URL: <http://www.kulichki.net/tolkien/cabinet/about/oldgig.html>
5. Гуревич А. Я. Что есть время? // Вопросы литературы. 1968. № 11.
6. Днепров В. Д. Идеи и формы времени. Л.: Советский писатель, 1980.
7. Зотиков А. Мир работы Толкиена: потерянный рай // Огонек. 1992. № 50. № 51. № 52.
8. Ковтун Е. Н. Типы и функции художественной условности в европейской литературе первой половины XX века: автореф. дисс. ... д. филол. н. М., 2000.
9. Кошелев С. Л. Жанровая природа «Повелителя колец» // Проблемы метода и жанра в зарубежной литературе. М.: МГПИ им. В. И. Ленина, 1981. Вып. 6 / под ред. Н. П. Михальской.
10. Кошелев С. Л. Философская фантастика в современной английской литературе (романы Дж. Р. Р. Толкина, У. Голдинга и К. Уилсона 50-60-х гг.): автореф. дисс. ... к. филол. н. М., 1983.
11. Курицын В. Мир спасет слабость // Дружба народов. 1992. № 2.

12. Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. Изд-е 3-е. М.: Наука, 1979.
13. Лихачева С. Б. Миф работы Толкина (о творческом наследии английского писателя-филолога) // Литературное обозрение. 1993. № 11. № 12.
14. Мартыненко А. В. Логика фантастического: автореф. дисс. ... к. культ. М., 2009.
15. Николаева А. О волшебной истории // Наука и жизнь. 2002. № 5.
16. Приходько А. М. Жанр «фэнтези» в литературе Великобритании: проблема утопического мышления: автореф. дисс. ... к. филол. н. М., 2001.
17. Толкиен Дж. Р. Р. Возвращение государя / пер. В. Муравьева. М.: Эксмо-Пресс; Яуза, 1998.
18. Толкиен Дж. Р. Р. Две твердыни / пер. В. Муравьева. М.: Эксмо-Пресс; Яуза, 2000.
19. Толкиен Дж. Р. Р. Сильмариллион / пер. Н. Григорьевой, В. Грушецкого. СПб.: Северо-Запад, 1993.
20. Толкиен Дж. Р. Р. Хранители: летопись первая из эпопеи «Властелин колец» / пер. с англ. В. Муравьева, А. Кистяковского; предисл. В. Муравьева; худож. Э. Зарянский. М.: Радуга, 1990.
21. Тураева З. Я. Категория времени. Время грамматическое и время художественное: на материале английского языка. М.: Высшая школа, 1979.
22. Штейнман М. А. Поэтика английской иносказательной прозы XX века: автореф. дисс. ... к. филол. н. М., 2000.
23. Шурмиль Э. А. Антиномия Добро - Зло в произведениях Дж. Р. Р. Толкина и У. Ле Гуин // Проблема национальной идентичности в культуре и образовании России и Запада: мат. науч. конф. (г. Воронеж - Задонск, 3-6 июля 2000 г.): в 2-х т. / под науч. ред. И. А. Стернина. Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 2000. Т. 2.
24. Щербак-Жуков А., Мильчин К. Капля эльфийской крови. 2002. URL: <http://www.kulichki.com/tolkien/podshivka/020218b.htm>
25. Carpenter H. The Inklings: C. S. Lewis, J. R. R. Tolkien, Charles Williams and Their Friends. L.: Allen, 1978.
26. Crabbe K. W. J. R. R. Tolkien. N. Y.: Continuum, 1988.
27. Manlove C. H. Modern Fantasy: Five Studies. Cambridge: Cambridge University Press, 1975.
28. Noel R. S. The Mythology of Middle-Earth: A Study of Tolkien's Mythology and Its Relationship to the Myths of the Ancient World. Boston: Houghton-Mifflin, 1977.

Информация об авторах | Author information

RU**Осьмухина Ольга Юрьевна¹**, д. филол. н., проф.**Князева Алина Александровна²**¹ Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева, г. Саранск² Санкт-Петербургский государственный университет**EN****Osmukhina Olga Yurievna¹**, Dr**Knyazeva Alina Aleksandrovna²**¹ N. P. Ogarev Mordovian State University, Saransk² Saint Petersburg State University¹ osmukhina@inbox.ru, ² alina.sh0ammo@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 11.01.2022; опубликовано (published): 28.02.2022.

Ключевые слова (keywords): Дж. Р. Р. Толкиен; трилогия «Властелин колец»; М. М. Бахтин; хронотоп; типы хронотопов; J. R. R. Tolkien; trilogy "The Lord of the Rings"; M. M. Bakhtin; chronotope; chronotope types.